

Библейскій профетизмъ и языческая мантика ¹⁾.

(Окончаніе).

III.

Вышеизложенная нами критическая теорія Maubbaum'a на первый взглядъ, производитъ самое благопріятное, подкупающее въ ея пользу впечатлѣніе. Дѣйствительно, она достаточно прогрессивна, такъ какъ построена на эволюціонномъ базисѣ—примѣняетъ теорію развитія къ исторіи библейскаго профетизма—и съ этой стороны, повидимому, удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ науки. Въ то-же время она и не безпочвенна и не голословна, не виситъ на воздухѣ, какъ большинство апріорно-эволюціонныхъ построеній, а стоитъ на твердой почвѣ библейскаго текста, опирается на его анализъ и отсюда почерпаетъ свою солидную аргументацію, такъ что и съ этой стороны къ ней нельзя предъявить особенныхъ претензій.

Таково первое, болѣе или менѣе, поверхностное впечатлѣніе отъ этой теоріи. Но дальнѣйшее, болѣе пристальное ея изслѣдованіе значительно мѣняетъ это впечатлѣніе въ обратную сторону и открываетъ въ разсматриваемой теоріи цѣлый рядъ крупныхъ противорѣчій и натяжекъ, дискредитирующихъ ея серьезное научное значеніе.

Вся теорія Maubbaum можетъ быть сведена къ слѣдующимъ тремъ тезисамъ.

1) Во первыхъ, что въ разныхъ мѣстахъ Библии сохранились ясные слѣды древнѣйшаго, чисто языческаго профетизма, когда онъ былъ простой отраслью жреческой мантики.

¹⁾ См. Сентябрь, стр. 146—165.

2) Во вторыхъ—что реформа этого жречества, въ смыслѣ отдѣленія отъ него пророчества, и развитіе послѣдняго въ духѣ монотеистическаго ягвеизма, начаты были пр. Самуиломъ и закрѣплены его преемниками.

и 3) въ третьихъ, что съ эпохи раздѣленныхъ царствъ замѣчается снова поворотъ къ старому и, въ частности, реставрація древнихъ формъ пророчества, и что наиболѣе типичными выразителями каковаго обратнаго движенія являются пророки, извѣстные въ Библии подъ именемъ „ложныхъ“.

Прежде, чѣмъ разсматривать каждый изъ главныхъ пунктовъ этой теоріи въ отдѣльности, скажемъ нѣсколько словъ объ ея общемъ характерѣ и направленіи. Съ этой стороны мы можемъ предъявить данной теоріи упрекъ въ невыдержанности ея основнаго тона и въ нѣкоторомъ, довольно замѣтномъ, внутреннемъ противорѣчій. Въ самомъ дѣлѣ, данная теорія, повидимому базируется на чисто эволюціонной почвѣ, такъ какъ къ библейскому пророчеству она прилагаетъ методъ постепеннаго историческаго развитія отъ низшихъ, политеистическихъ формъ къ высшимъ, монотеистическимъ.

Но вдругъ, въ самую середину этого эволюціоннаго процесса, она вдвигаетъ сильную регрессивную струю,—въ формѣ возрожденія древняго язычества и возстановленія изначальнаго пророчества у т. н. „ложныхъ пророковъ“. Такой встрѣчный, отрицательный фактъ не мирится съ прямолинейностью поступательнаго хода развитія, по требованіямъ теоріи эволюціи; послѣдняя, если и допускаетъ нѣкоторыя отклоненія, то въ видѣ самыхъ легкихъ и незначительныхъ колебаній, а не въ формѣ такого всеобъемлющаго, понятнаго движенія, какимъ было религіозно-нравственное состояніе Евреевъ въ эпоху раздѣленныхъ царствъ, по воззрѣнію Maubbaum'a. Допустивши въ своей теоріи одновременное существованіе двухъ, взаимно противорѣчивыхъ и одинаково немотивированныхъ принциповъ—прогресса и регресса, нашъ критикъ eo ipso, разрушилъ иллюзію цѣльности и внутренней логичности всей своей теоріи.

Помимо этого принципиальнаго грѣха, который, конечно, окрасилъ собою весь ходъ его разсужденій, аргументація автора не свободна отъ серьезныхъ возраженій и по всѣмъ тремъ главнымъ, вышеуказаннымъ пунктамъ.

Мы не станемъ здѣсь входить въ критику филологическихъ толкованій авторомъ библейскаго текста, путемъ которыхъ онъ добываетъ нужный ему матеріалъ. Не будемъ этого дѣлать, во первыхъ потому, что всѣ эти филологическіе анализы текста—всегда, болѣе или менѣе, субъективны и произвольны, благодаря необыкновенной эластичности еврейскаго языка и относительной темноты его корней ¹⁾. А во вторыхъ, мы оставимъ эту сторону дѣла въ покоѣ еще и потому, что она, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, почти вовсе не имѣетъ никакого значенія для рѣшенія спорнаго вопроса. Хотя аргорос и не можемъ не замѣтить, что филологическія операціи нашего автора надъ библ. текстомъ довольно тенденціозны, что онъ напр. изъ многихъ значеній того или другого еврейскаго корня, нерѣдко беретъ самое малоупотребительное и старое, разъ только оно болѣе всего отвѣчаетъ его цѣлямъ; въ особенности, въ вину автору должны поставить сознательное игнорированіе имъ греческаго перевода LXX, который въ большинствѣ случаевъ, даетъ совсѣмъ не то, что нужно нашему критику и даже разрушаетъ его гипотетическую филологію.

Но суть дѣла даже вовсе и не въ этомъ. Допустимъ, что критикъ здѣсь вполне правъ. Что-же изъ этого слѣдуетъ?

Самъ онъ выводитъ отсюда два заключенія:

во 1) что Евреи не только въ раннѣйшую эпоху своей исторіи, но и въ позднѣйшій періодъ раздѣленныхъ царствъ были хорошо знакомы со всѣми, сколько нибудь извѣстными видами языческой мантики.

во 2) что они не только прекрасно ихъ знали, но и сами

¹⁾ Для примѣра возьмемъ хотя-бы библейско-еврейскій терминъ עֵשֶׂר, въ которомъ *Maubaut* усматриваетъ слѣды астрологической мантики, будто-бы практиковавшейся у Евреевъ. Самъ *Maubaut* производитъ это слово отъ еврейскаго корня עָשָׂה, что значитъ „время“ и толкуетъ въ томъ смыслѣ, что имъ обозначается искусство различать „времена“, главнымъ образомъ, по наблюденію небесныхъ свѣтилъ. *Scholz* производилъ данное слово отъ корня עָיַן, что значитъ „глазъ“ и потому видитъ здѣсь указаніе на вѣру въ „дурной глазъ“. *Merx*—выводитъ изъ корня עָיַן—„встрѣчать“ и предполагаетъ намекъ на „дурную встрѣчу“. *Driver*—отъ араб. корня ghanna—„испускать хриплый носовой звукъ“, чѣмъ указывается лишь на чисто вѣщій пріемъ заклинанія. Наконецъ, *Абемъ-Езра* производ. отъ евр. слова עָנָן „облако“ и видитъ здѣсь указаніе на гаданіе по движенію облаковъ.

у себя практиковали: сначала, въ древнѣйшія времена, какъ общую форму религіознаго культа, а затѣмъ—въ періодъ раздѣленныхъ царствъ, какъ господствующій его видъ.

Первое изъ этихъ заключеній не вызываетъ никакихъ сомнѣній и вполне пріемлемо. Несомнѣнно, что Еврейскій народъ, который никогда не отдѣлялъ себя глухой стѣной отъ остальныхъ окружавшихъ его и въ большинствѣ родственныхъ ему языческихъ народовъ, имѣлъ полную возможность знать и, дѣйствительно, зналъ практиковавшіеся у этихъ народовъ религіозные культы и соединенные съ ними различные виды профетической мантики. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуется почти каждая страница Библіи, въ особенности же сильныя обличенія языческихъ „мерзостей“ у прр. писателей.

Но изъ того, что Евреи всегда всѣ указанные виды язычества знали, заключать, что поэтому они, и сами ихъ практиковали, — по меньшей мѣрѣ, рискованно и неосторожно: это значить дѣлать сознательный вызовъ логикѣ, которая утверждаетъ что *a posse ad esse non valet consequentia*. Но, повторяемъ, основа этого заключенія, т. е. мысль о томъ, что Евреи знали язычество и его мантику, сама по себѣ безспорна.

Значительно иначе обстоитъ дѣло со вторымъ тезисомъ, quasi устанавливающимъ, что Евреи постоянно и сами практиковали у себя всѣ формы политеизма и, въ частности, языческую мантику. Здѣсь, прежде всего, всѣ рассужденія нашего критика страдаютъ крайней неувѣренностью, спутанностью и двойственностью впечатлѣнія. Все время у него никакъ опредѣленно не поймешь, о какихъ историческихъ эпохахъ въ жизни Еврейскаго народа, яко-бы носящихъ на себѣ очевидные слѣды язычества, онъ говоритъ? Съ одной стороны, повидимому, несомнѣнно, что онъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ, древнѣйшую, до-Самуиловскую эпоху—періодъ патріархальнаго и общинно-родоваго быта. И это, конечно, вполне логично для него, какъ для человѣка стоящаго на эволюціонной почвѣ.

Но въ то-же время, рядомъ съ такими архаическими формами, взятыми изъ глубины древности, онъ помѣщаетъ и позднѣйшіе факты изъ предплѣнной эпохи раздѣленныхъ царствъ. Никакой рѣзкой разграничительной черты между фактами той и другой категоріи, раздѣленными довольно

внушительнымъ и, главное, въ высшей степени содержательнымъ и важнымъ историческимъ промежутокъ, ни въ подборѣ фактовъ, ни въ характеристикѣ ихъ у Маубаумъ мы не видимъ.

А между тѣмъ, это совершенно неестественно и противорѣчить всему историческому опыту: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, грубыя формы кочеваго быта отождествлять съ несравненно болѣе тонкими и развитыми формами общественно-соціальной жизни въ эпоху высшаго разцвѣта у Евреевъ царской власти. А это различіе неминуемо и даже прежде всего, конечно, должно было отразиться на религіи, такъ какъ, именно, интересами ея преимущественно и жилъ еврейскій народъ.

Впрочемъ, мы едва-ли можемъ и строго судить Мауб. за это. Откуда онъ могъ получить опредѣленные свѣдѣнія о томъ, что считать древнѣйшей и что позднѣйшей формой еврейской жизни? Очевидно, только изъ литературныхъ памятниковъ той и другой эпохи, т. е. изъ библейскихъ книгъ, изъ которыхъ однѣ относятся къ древнѣйшей жизни народа Божія, а другія — изображаютъ ее за послѣдующія времена.

Но Маубаумъ, какъ извѣстно, стоитъ на почвѣ той теоріи, которая отрицаетъ подобный хронологическій взглядъ на происхожденіе священной библейской литературы: онъ всю ее относитъ къ позднѣйшимъ временамъ и приписываетъ творчеству пророковъ — писателей. Ясно, что онъ, даже не имѣетъ и данныхъ, чтобы получить объективное представленіе о древнихъ формахъ жизни, такъ какъ всѣ они, съ его точки зрѣнія, прошли сквозь призму позднѣйшаго пророческаго міровоззрѣнія и получили отсюда, болѣе или менѣе, субъективную окраску.

Вотъ почему Маубаумъ и всѣ, вообще, подобные ему библейскіе критики, и вынуждены въ силу необходимости, допускать такую ужасную путаницу хронологическихъ данныхъ изъ всѣхъ періодовъ и эпохъ: это, пожалуй, и логично, съ точки зрѣнія ихъ предвзятой теоріи, но не мирится съ принципами научной эволюціи, и совершенно противорѣчить законамъ историческаго развитія и фактамъ дѣйствительной жизни.

Въ этой, плохо замаскированной путаницѣ, различныхъ историческихъ эпохъ и лежитъ главный недостатокъ аргу-

ментаций Маубаум'a, ея *прѳтов ψευδος*. Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ характеризуетъ какой-либо изъ практиковавшихся по его мнѣнію у Евреевъ видовъ языческой магии, напр. хотя-бы *oboth*, т. е. заклинанія духовъ и различныхъ формъ некромантіи, то онъ безразлично приводитъ доказательства и изъ I кн. царствъ (27 гл.) и изъ кн. Второзаконія и изъ свидѣтельствъ различныхъ пророческихъ книгъ. Т. о. у него въ одну кучу сваливаются всѣ эти свидѣтельства и нѣтъ никакой возможности различить здѣсь древнѣйшія отъ позднѣйшихъ.

Самъ Маубаумъ, однако, все время, хотя и совершенно голословно, заявляетъ, что надо различать эти формы: что въ древнѣйшій періодъ язычество было всеобщимъ, что, затѣмъ, оно почти исчезло, и наконецъ, въ послѣдствіи снова возродилось. Но на чемъ покоятся всѣ подобныя различенія древнихъ формъ отъ реставрированныхъ?—это остается тайной автора, тайной, тѣмъ болѣе непонятной, что съ его точки зрѣнія, существующая библейская литература не допускаетъ даже и возможности подобнаго разграниченія, такъ какъ вся она—продуктъ позднѣйшаго профетизма. Впрочемъ, Маубаумъ имѣлъ мужество признать это и самъ, когда сказалъ, что всѣ его разсужденія о древнѣйшей, досаумиловской эпохѣ Евр. профетизма имѣютъ цѣну лишь *проблематической гипотезы*. Хотя тутъ же присоединилъ, что при наличномъ положеніи вопроса о библ. литратурѣ мы и не можемъ получить большаго. Въ концѣ концовъ, у него получается своего рода заколдованной кругъ—*circulus in demonstrando*: доказательства языческаго характера др.-евр. профетизма онъ почерпаетъ изъ библейской литературы, а самую эту литературу выводитъ, какъ позднѣйшій продуктъ профетизма.

Въ сущности-же, почти вся фактическая сторона аргументации Маубаум'a относится къ позднѣйшимъ временамъ Израильской исторіи и свидѣтельствуетъ не о возвратѣ Евреевъ къ древнимъ формамъ богопочтенія, какъ то ошибочно онъ думаетъ, а о рѣшительно противоположномъ—именно, объ измѣнѣ Израильтянъ древней—отеческой религіи и объ увлеченіи ихъ новыми языческими культами. Такой прискорбный фактъ, дѣйствительно, имѣлъ мѣсто въ періодъ раздѣленныхъ царствъ, въ особенности, въ жизни

одного изъ нихъ, именно—сѣвернаго, Израильскаго царства. Здѣсь, благодаря ложной политикѣ царей, желавшихъ изолировать свой народъ отъ Іудей и втянуть его въ политическіе союзы съ другими языческими народами, получили право гражданства многія языческія „мерзости“, какъ называютъ ихъ пророки, преимущественно, тѣ, которыя связаны были съ финикійскими культами Ваала и Астарты. Но изъ тѣхъ-же пророческихъ обличеній совершенно ясно открывается, что всѣ эти „блуженія“ не были возвратомъ къ старымъ, древне-отеческимъ обычаямъ, но представляли какъ разъ измѣну имъ, являлись преступными новшествами. Эта, именно, мысль и звучитъ основнымъ лейтмотивомъ во всѣхъ пророческихъ обличеніяхъ. А она, разумѣется, была-бы немислима, если-бы позднѣйшее увлеченіе язычествомъ, носило-бы рецидивный характеръ.

Во вторыхъ, нельзя согласиться съ Маубаум'омъ и въ самой характеристикѣ имъ позднѣйшихъ формъ еврейскаго язычества. Авторъ, повидимому, склоненъ видѣть здѣсь такой же чистый типъ язычества, какой существовалъ въ это время и у др. семитическихъ народовъ—вавилонянъ, финикійцевъ и сирійцевъ. Но это далеко не такъ. Чистаго и голаго язычества у Евреевъ этой эпохи во всякомъ случаѣ не существовало: а то, что у нихъ, дѣйствительно въ это время было, имѣетъ въ исторической наукѣ другое, болѣе точное и правильное опредѣленіе, носить названіе „религіознаго синкретизма“, подъ которымъ разумѣется свободное смѣшеніе новыхъ, языческихъ обычаевъ съ древнимъ моисеевымъ культомъ.

Монотеистическій культъ Моисея, даже въ эпохи наиболѣе глубокаго религіознаго упадка, не только не исчезалъ изъ практики Израильской религіи, но все время стоялъ въ центрѣ ея и оставался въ ней господствующимъ. Въ самыхъ рѣзкихъ пророческихъ обличеніяхъ мы находимъ ясныя слѣды существованія у Израильтянъ и субботы и постовъ и новомѣсячій и разныхъ другихъ еврейскихъ праздниковъ, такъ что говорить объ утратѣ истинной религіи и замѣнѣ ея язычествомъ—не приходится. Но основной культъ Моисея нерѣдко здѣсь свободно пополнялся: онъ бывалъ, если такъ можно выразиться, какъ-бы разбавляемъ то болѣе, то менѣе сильными струями язычества.

Въ израильскомъ царствѣ начальной формой этого синкретизма, наиболѣе устойчиво въ немъ державшейся, былъ т. н. „іероваамскій культъ священнаго тельца“. А подъ нимъ, какъ думаетъ большинство ученыхъ, разумѣлось, собственно, почитаніе Іеговы, только въ другомъ, болѣе грубомъ и чувственномъ образѣ, неужели у древнихъ Іудеевъ. Чувственный характеръ этого культа и политическія связи Израильскихъ царей съ язычествомъ проложили впослѣдствіи открытый путь и болѣе широкому вліянію язычества. Но никогда первое не было настолько сильнымъ, чтобы вовсе вытѣснить собою древній моисеевскій культъ и стать на его мѣсто. Отсюда, всѣ разсужденія Мауб. объ исчезновеніи ягвеизма и возвратѣ стараго язычества должны быть признаны плодомъ его пылкой фантазіи и, по меньшей мѣрѣ, нуждаются въ очень серьезномъ ограниченіи ихъ характера и объема.

Итакъ, какіе-же мы можемъ извлечь выводы изъ сдѣланной нами критики втораго Маубаум'овскаго тезиса? Во первыхъ, то, что сужденія его по данному пункту страдаютъ крайней неясностью, запутанностью и внутреннимъ противорѣчіемъ. Во вторыхъ, что и онъ, по самому существу дѣла, лишенъ всякой возможности возстановлять древнія формы еврейской жизни и различать ихъ отъ позднѣйшихъ. Въ третьихъ, что когда онъ все же силится это сдѣлать, то у него получается логическій кругъ въ доказательствѣ: въ основу его онъ кладетъ то самое, что ему и нужно доказать. Въ четвертыхъ, что онъ, неопредѣленно говоря о древнѣйшихъ и новѣйшихъ формахъ еврейскаго политеизма, въ сущности все время имѣетъ въ виду, именно, однѣ только позднѣйшія формы, которыя онъ совершенно произвольно считаетъ въ то же время и за древнѣйшія. Наконецъ, что его представленія о позднѣйшихъ формахъ еврейскаго язычества грѣшатъ самымъ сильнымъ преувеличеніемъ и нуждаются въ рѣшительномъ ограниченіи ихъ.

Послѣдній основной тезисъ критической теоріи Мауб. касается вопроса о т. н. „ложныхъ пророкахъ“. На нихъ, какъ мы уже знаемъ, онъ смотритъ довольно своеобразно—видитъ въ нихъ не новое явленіе въ исторіи библейскаго пророчества, а его основное, старое теченіе, которое будто-бы служить связью реставрированнаго язычества эпохи раздѣленныхъ

царствъ съ древнѣйшими, изначальными формами общаго для всѣхъ Евреевъ политеизма.

На законный вопросъ, почему-же это основное и изначальное теченіе профетизма долго не было замѣтно и обнаружилось такъ сравнительно поздно (ложные пророки явились уже послѣ раздѣленія царствъ) Маубаин довольно остроумно отвѣчаетъ, что это зависѣло не отъ „ложныхъ“, а отъ „истинныхъ“ пророковъ. Ложные пророки—развиваетъ онъ свою мысль—существовали всегда; но никто ихъ не считалъ и не называлъ „ложными“ въ теченіе всего того времени, пока они были единственными; но вотъ, съ эпохи Самуила появились другіе пророки новаго типа, пророки-реформаторы. Первоначально, они еще не играли особенной роли. Но по мѣрѣ того, какъ организація ихъ росла и крѣпла, они становились все болѣе и болѣе популярными въ народѣ. И вотъ, наконецъ, насталъ моментъ, когда они взяли перевѣсъ надъ своими противниками. Тогда новые пророки получили названіе „истинныхъ“, а старые—по противоположности съ ними „ложныхъ“. Ложными старые пророки—заключаетъ Мауб. стали только тогда, когда окончательно обрисовались новые, истинные, монотеистическіе пророки. А это будто-бы и падаетъ, именно, на эпоху раздѣленныхъ царствъ и расцвѣта дѣятельности въ нихъ новыхъ пророковъ, въ духѣ и силѣ Іліи Тесвитянина.

Чтобы разобраться въ этой, безспорно, остроумной конъюнктурѣ Мауб., мы должны разчленивъ въ ней два вопроса—сначала, вопросъ объ „истинныхъ“, а затѣмъ уже и о т. н. „ложныхъ“ пророкахъ“.

Суть всего дѣла по Мауб., очевидно, заключается въ истинныхъ пророкахъ. Когда же и благодаря чему они появились? Вотъ важнѣйшій и вмѣстѣ, интереснѣйшій вопросъ для всей теоріи Маубаин'а. Отвѣтъ на него и долженъ намъ объяснить, какимъ образомъ и подъ какими внѣшними или внутренними вліяніями произошла такая удивительная метаморфоза съ Еврейскимъ профетизмомъ, что онъ изъ обыкновенной языческой мантики превратился въ монотеистическій библич. профетизмъ? Отъ отвѣта на эти коренные вопросы зависитъ все значеніе и вся цѣнность теоріи Маубаин'а. И что-же мы видимъ? Именно здѣсь-то онъ и говоритъ особено голословно и неубѣдительно, такъ что вся вторая глава его моногра-

фин, — Samuel und Prophetenschule, — рѣшающая эти вопросы, вполне справедливо, должна быть признана наиболѣе слабымъ мѣстомъ въ его книгѣ.

Всю крупнѣйшую реформу библ. профетизма Мауб. приписываетъ гениальной мудрости пр. Самуила, и внѣшній ходъ ея изображаетъ въ слѣдующемъ видѣ. Самуиль былъ воспитанникомъ жреческой пророческой школы, существовавшей при центральномъ религіозномъ святилищѣ въ Силомѣ. Будучи одаренъ отъ природы высокой степенью умственной чуткости и нравственной чистоты, и развивъ эти способности еще болѣе въ школѣ, Самуиль будто-бы когда пришелъ въ зрѣлый возрастъ, разочаровался въ пустотѣ и безнравственности языческаго жречества и порвалъ съ нимъ связи. Тогда же онъ, сочувствуя горю народа, произвелъ цѣлый рядъ общественно-политическихъ реформъ и тѣмъ самымъ снискалъ себѣ всеобщую популярность.

Вскорѣ аналогичную же реформу провозгласилъ онъ и въ религіозной жизни Евреевъ. Суть ея состояла въ томъ, что онъ сталъ отдѣлять религію отъ языческой мантики и первый провозгласилъ, что воля Божія познается не по внѣшнимъ признакамъ, а открывается пророку въ духѣ. Это и было первымъ зерномъ новаго, истиннаго пророчества, брошеннымъ Самуиломъ. Оно не пропало, а принесло обильный плодъ, главнымъ образомъ, уже послѣ раздѣленія царствъ, когда ему будто-бы сильно помогла и междоусобная борьба старыхъ языческихъ религіозныхъ центровъ. Таковъ, по объясненію Мауб. внѣшній ходъ этой новой эволюціонной формы библейскаго профетизма.

Что касается ея внутреннихъ мотивовъ, въ которыхъ, разумѣется, и заключается все дѣло, то отъ разъясненія ихъ Мауб. отказывается, ссылаясь, что „этотъ пунктъ каждаго развитія бываетъ, обыкновенно, покрытъ темнотой“ (in Dunkel gehüllt). Можно догадываться только о внѣшнихъ поводахъ къ этой внутренней перемѣнѣ душевнаго настроенія Самуила: такими поводами онъ предполагаетъ, плѣненіе ковчега завѣта филистимлянами, разочаровавшее его въ надеждѣ на эту величайшую внѣшнюю опору — и личное возмущеніе Самуила поведеніемъ Силомскихъ жрецовъ.

Даже если мы примемъ указанныя объясненія Мауб. въ

настоящемъ ихъ видѣ, не внося сюда никакихъ измѣненій и поправокъ, и тогда они только сколько нибудь сносно отвѣчаютъ лишь на первую половину вопроса—именно указываютъ, почему Самуиль могъ разочароваться въ языческой мантикѣ и порвать съ ней связи? Но они нисколько не освѣщаютъ второй, важнѣйшей половины вопроса—почему же онъ пришелъ, именно къ монотеизму и къ откровенію въ духѣ? Въдѣ тутъ пропасть между старымъ и новымъ также велика, какъ, напр. между неорганической и органической природой. И подобно тому, какъ въ послѣднемъ случаѣ ученымъ натуралистамъ несмотря на всѣ ихъ старанія, до сихъ поръ не удалось найти связующаго звена и переходной ступени между этими двумя мірами, такъ Мауб. не открылъ связи между мантикой и профетизмомъ, ибо, конечно, его отговорку, что этотъ процессъ *покрытъ тайной*, нельзя же считать за сколько-нибудь серьезное рѣшеніе поставленной проблемы.

Полная необоснованность и шаткость сужденія Мауб. объ истинныхъ пророкахъ подрываетъ самый фундаментъ и у его взгляда на ложныхъ пророковъ. Если нѣтъ достаточныхъ мотивовъ къ возникновенію истинныхъ пророковъ, то, конечно, нелогично послѣ этого говорить и объ ихъ отдѣленіи отъ древнихъ, ложныхъ пророковъ.

Но помимо этого принципиальнаго недостатка, характеристика Маубаум'омъ „ложныхъ пророковъ“ страдает и многими другими.

Такъ, она совершенно не совпадаетъ съ тѣмъ общимъ обликомъ „ложныхъ пророковъ“, который намъ рисуютъ библейскія данныя. По Маубаум'у „ложные пророки“—это типичные представители возстановленнаго древняго язычества и его жреческой мантики. Это, въ сущности, тѣ же самые жрецы-прорицатели, которые никогда будто-бы не умирали въ еврействѣ: въ древности они были единственными религиозными руководителями народа; въ Самуиловскую и послѣдующую за нею эпоху они были отгѣснены на второй планъ и уступили свое мѣсто пророкамъ новаго типа; но въ періодъ раздѣленныхъ царствъ они снова заняли свою прежнюю позицію и получили перевѣсъ надъ новыми пророками.

Совсѣмъ иное представленіе объ этихъ „ложныхъ проро-

какъ“ даетъ намъ Библія. Она, прежде всего, не позволяетъ ихъ отождествлять съ сословіемъ жрецовъ или левитовъ: все время эти двѣ корпораціи т. е. священническая и лже-пророческая выступаютъ самостоятельно и особо; хотя иногда онѣ и соединяются для совмѣстной дѣятельности, но черезъ то нисколько не обезличиваются въ своей различной индивидуальности.

Во вторыхъ, Библія не даетъ никакихъ основаній утверждать, чтобы, именно, эти „ложные пророки“ были главными исполнителями возрожденныхъ языческихъ культовъ. Она, скорѣе, приписываетъ эту дѣятельность жрецамъ іеровоамова и ваалова культовъ; но всего меньше пророкамъ, хотябы и „ложнымъ“.

Вообще, если и можно, съ библейской точки зрѣнія, говорить о какомъ-либо родствѣ „ложныхъ пророковъ“, то только о нѣкоторомъ отдаленномъ родствѣ ихъ съ истинными пророками и въ особенности, съ пророческими школами.

И мы убѣждены, что именно здѣсь, т. е. въ деморализаціи нѣкоторой части истинныхъ пророковъ, точнѣе пророческихъ общинъ или школъ, и лежитъ причина появленія „ложныхъ пророковъ“. Въ свое время, когда будемъ специально говорить о „пророческихъ школахъ“, мы надѣемся болѣе подробно освѣтить эту связь и доказать ее положительными библейскими фактами.

А теперь еще разъ только подчеркнемъ, что и послѣдній тезисъ теоріи Маубаинъа—о происхожденіи истинныхъ и роли ложныхъ пророковъ—также не выдерживаетъ критики: онъ является, если угодно, даже болѣе слабымъ, чѣмъ два первыхъ ея тезиса.

Итакъ, что-же, въ концѣ концовъ, дала намъ теорія Мауб. въ смыслѣ новаго, естественно-эволюціоннаго рѣшенія вопроса о библ. профетизмѣ?

Она дала намъ, во первыхъ, сомнительную гипотезу (только гипотезу, въ чемъ откровенно признался и самъ авторъ) о томъ, что религія Евреевъ, въ началѣ ихъ исторіи, представляла собой чистый политеизмъ со всѣми грубыми видами языческой мантики.

Во вторыхъ, она дала намъ голословное утвержденіе автора о какой-то чудесной метаморфозѣ древняго профетизма въ чистый ягвизмъ, произведенной единолично пр. Самуиломъ

по какимъ-то непонятнымъ мотивамъ, т. е. процессъ, какъ буквально выражаетъ авторъ, *покрытой глубокой тайной* (*geheimnissvol*).

Въ третьихъ, она представила намъ совершенно произвольную характеристику „ложныхъ пророковъ“, противорѣчащую всѣмъ историческимъ даннымъ Библии.

Ясно, что съ такимъ ненадежнымъ оружіемъ выступать на борьбу съ положительнымъ библич. взглядомъ на профетизмъ и мечтать о полной побѣдѣ надъ послѣднимъ, еще слишкомъ опрометчиво и смѣло: слабость критики только лишній разъ подчеркиваетъ силу ортодоксін.

Однако, неужели въ теоріи Маубаумъ'a нѣтъ ни капли истины и библич. историкъ не можетъ извлечь для себя изъ нея ничего полезнаго?

Нѣтъ, этого сказать нельзя. Въ теоріи Мауб. есть и положительная заслуги передъ библич. наукой. Сюда, прежде всего, должно отнести очень тонкую и во многихъ отношеніяхъ правдивую характеристику у него различныхъ видовъ языческихъ блуженій, практиковавшихся у Евреевъ во всѣ времена ихъ исторіи и особенно, въ эпоху раздѣленныхъ царствъ. Вся ошибка Мауб. состоитъ въ томъ, что онъ слишкомъ расширяетъ объемъ ихъ распространенія, дѣлаетъ ихъ, по временамъ, то всеобщими, то господствующими и *eo ipso* ихъ, такъ сказать, легализируетъ.

Между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности, явленія этого рода, никогда не имѣли столь широкаго распространенія, и главное, никогда, они съ точки зрѣнія теократическаго закона не считались признанными и нормальными: на нихъ всегда лежала печать преступныхъ уклоненій и блуженій, совращенія съ единственно истиннаго пути служенія Іеговы.

Во вторыхъ, Мауб. вѣрно подмѣчены и факты дѣйствительныхъ аналогій между нѣкоторыми формами языч. мантики и библич. профетизма. Таковы, напр. факты тавматургическаго характера—чудеса Моисея и Аарона со змѣями, прозябаніе жезла Аарона, мѣдный змій въ пустынѣ, или примѣръ некромантіи — Саулъ у Аендорской волшебницы и пр.

Но этимъ фактамъ дано неправильное освѣщеніе. „Строго духовному характеру монотеизма В. З. говоритъ Kohler—въ спеціальной монографіи *Der Prophetismus der Hebräer und die*

Mantik der Griechen—нисколько не противорѣчить, что Іегова для сообщенія своей воли людямъ обращался и къ нѣкоторымъ внѣшнимъ знаменіямъ“, въ частности—къ такимъ, которыя употреблялись и въ языческой мантикѣ. Здѣсь—спусхожденіе къ человѣческой слабости, разговоръ съ людьми на болѣе понятномъ для нихъ языкѣ. Всемогуществу Божию нѣтъ границъ и Тотъ, кто заставлялъ пророчески говорить Валаамову ослицу, могъ пророчествовать и путемъ другихъ естественныхъ и общечеловѣческихъ символовъ. А въ примѣрѣ Аэндор. волшебницы можно видѣть доказательство того, что Богъ и темныя силы зла иногда подвигаетъ на служеніе своимъ высшимъ, нравственнымъ цѣлямъ.

Наконецъ, нѣкоторая и даже довольно значительная, доля правды у Maubach'a заключается и въ томъ, что онъ отгѣнилъ естественную сторону въ процессѣ историческаго развитія библейскаго профетизма. Въ служеніи древне-еврейскихъ пророковъ, какъ и въ каждомъ религіозномъ актѣ, необходимо различать двѣ стороны: сверхъестественную—откровенную и естественную—натуральную. Служеніе ветхозавѣтныхъ пророковъ, будучи по своему происхожденію и существу явленіемъ сверхъестественнымъ, имѣло, однако и свою естественную, человѣческую сторону, которая стояла въ зависимости не только отъ условій времени и мѣста, но еще болѣе отъ степени культурно-умственного развитія, какъ самого пророка, такъ и тѣхъ, къ кому онъ обращался со своимъ пророческимъ словомъ. Вотъ, въ этой-то сторонѣ дѣла Maubach'у и удалось уловить нѣкоторые, подлинно-историческіе штрихи развитія библейскаго профетизма. Лицамъ, сколько-нибудь знакомымъ съ библейской исторіей Евреевъ, нѣтъ надобности доказывать, что первоначально какъ вся религія древнихъ Евреевъ, такъ разумѣется, и профетизмъ, были гораздо пластичнѣе и грубѣе, стояли ближе къ натуралистическимъ формамъ и чаще дѣлали изъ нихъ различныя символическія заимствованія. Вотъ почему въ начальной исторіи библейскаго профетизма мы такъ мало видимъ возвышенныхъ мессіанскихъ пророчествъ, но за то такъ много пророческихъ предсказаній на религіозно - общественныя и даже политическія темы. Но по мѣрѣ того, какъ шло развитіе религіознаго и умственного состоянія Еврейскаго народа, возвышалось, утончалось и одухотворялось и

содержаніе пророческихъ рѣчей, которое все больше и больше отрѣшалось отъ общественно-политической почвы и все чаще и чаще уходило въ созерцаніе возвышенныхъ видѣній месіанской эпохи. Здѣсь и темы, и языкъ и образы пророковъ и весь строй ихъ рѣчей дышалъ тѣмъ чистымъ, возвышеннымъ монотеизмомъ, въ которомъ уже почти вовсе не было замѣтно слѣдовъ древняго натурализма и который даже раціоналисты ставили очнь высоко, называя его „этическимъ“ монотеизмомъ. Но, повторяемъ, въ древнѣйшей, начальной стадіи развитія библейскаго профетизма, этотъ натуралистическій элементъ былъ гораздо замѣтнѣе и яснѣе, въ чемъ, однако, нельзя находить ничего унижающаго религію Евреевъ: это—естественная и необходимая дань ограниченности природы человѣка и постепенности ея религіозно-умственного развитія. Маубаумъ былъ правъ, когда онъ *подчеркивалъ* значеніе этого, естественнаго фактора въ историческомъ развитіи библейскаго профетизма. Но онъ глубоко неправъ, когда основываясь на этомъ, *зачеркивалъ* рѣшающую роль другаго, супранатуральнаго фактора.

Резюмируя все нами сказанное по вопросу о родствѣ библейскаго профетизма съ язык. мантикой, мы получаемъ право на слѣдующіе выводы:

1) Усилія раціоналистовъ старой школы установить полное тождество профетизма и мантики на протяженіе всей библейской исторіи, никогда не достигали цѣли, а въ настоящее время признаны безнадежными даже и въ школѣ самихъ раціоналистовъ

2) Попытки новѣйшихъ раціоналистовъ внести въ эту теорію различныя поправки, хотя и значительно увеличили силу критическаго удара, однако не настолько, что бы поколебать достоинство положительнаго взгляда.

3) Доказательствомъ этого служить сдѣланный нами разборъ наиболѣе научной и наиболѣе остроумной изъ всѣхъ критич. теорій—теоріи Маубаум'а, авторъ которой, въ концѣ концовъ, и самъ д. б. сознаться, что онъ даетъ только гипотезу и безсиленъ раскрыть сущность процесса, погруженнаго въ тайну.

Слѣдовательно, безпристрастная библ. наука говоритъ, что евр. профетизмъ не м. б. сведенъ къ естественнымъ формамъ языческой мантики: попрежнему онъ остается печатью

откровеннаго, сверхъестественнаго происхожденія Евр. религiи. Отсюда и всѣ продукты этого профетизма—а слѣдовательно и священная библи. литература, главный источникъ нашей науки—не теряетъ для нея своего возвышеннаго богодухновеннаго ореола.

А. Покровский.
